

С. А. Стадников

В СТРАНЕ ПИРАМИД

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ОТТО ФРИДРИХА ФОН РИХТЕРА¹

Отто Фридрих фон Рихтер родился 6 августа 1791 года в местечке Вастсе-Куусте, которое в то время носило также немецкое название Neu-Kusthof, в семье лифляндского земского советника О.М. фон Рихтера. (O.F.v. Richter. Wallfahrten im Morgenlande. Aus seinen Tagebüchern und Briefen dargestellt von J.P.G. Ewers. Berlin, 1822, S.V. "Genealogisches Handbuch der livländischen Ritterschaft" (Hrsg. O.M.v. Stackelberg). Bd.1. Gorlitz, 1929–1931 называет дату рождения — 6 августа 1791 года (S. 172), но "Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland" под редакторством J.v. Recke и K. Napiersky (Mitau, 1831. S. 544) указывает на 6 августа 1792 года. Такую же дату называет и "Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960" (Hrsg. G. Welding, E. Amburger, G.v. Krusenstern), Köln-Wien, 1970. S. 631. Данные двух последних источников кажутся менее достоверными.) Его домашним учителем стал в 1803 году Густав Эверс, который позднее — в 1818–1830 был ректором Тартуского университета. Благодаря Эверсу у юного Отто появился интерес к античности. Вскоре он уже бегло читал по-латыни и на древнегреческом языке. Приобретая некоторые познания также в новогреческом и проведя в 1808 году пять месяцев в Москве, О.Ф. фон Рихтер отправился осенью 1809-го в Гейдельберг, где он под руководством профессора

Портрет Отто Фридриха фон Рихтера
(гравюра) на титульном листе книги *Wallfahrten im Morgenlande* (Berlin, 1822).

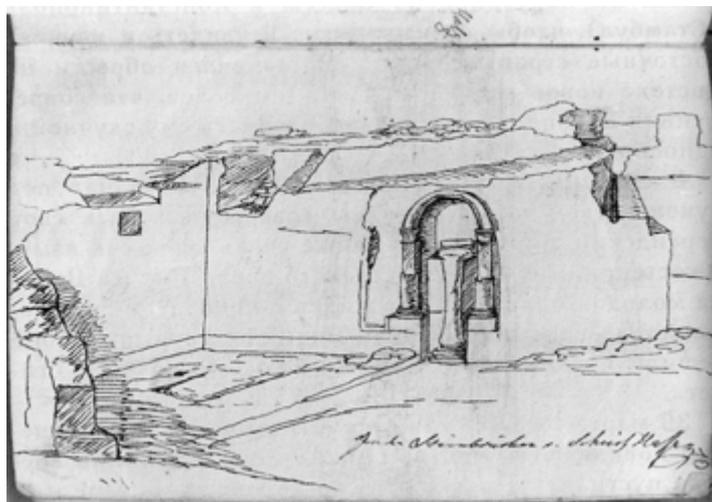
¹ Статья была впервые опубликована на эстонском языке в 1985 г., а затем дважды выходила на немецком: S. Stadnikov. *Otto Friedrich von Richter ja Egiptus* // *Looming*, t. 1, Tallinn, 1985. S. 109–114; S. Stadnikow. *Otto Friedrich von Richter und Ägypten* // *Altorientalische Forschungen*, 18. Berlin, 1991. S. 195–203; S. Stadnikow. *Otto Friedrich von Richters Forschungsreise in Unternubien im Jahre 1815. Auszüge aus dem Tagebuch* // *Mitteilungen für Anthropologie und Religionsgeschichte*, 15. Münster, 2000. S. 125–161. Статья, изданная в Мюнстере, не тождественна более ранним: в ней основательно комментируются отрывки из дневников Отто фон Рихтера.

Ф. Вилькена ознакомился с основами персидского и арабского языков. В 1812 году Рихтер прибыл через Швейцарию и Италию в Вену. Тамашняя библиотека предоставляла замечательные возможности для самосовершенствования. В тот период жизни глубокое влияние на него оказал известный немецкий писатель, языковед и литературовед, а также ведущий теоретик немецкого раннего романтизма Фридрих фон Шлегель, живший в ту пору в Вене.

Летом 1813 года молодой человек возвратился через Богемию, Силезию и Польшу на родину, но задержался там всего лишь на год. Уже летом 1814 года Рихтер отбыл на паруснике из Одессы в Константинополь (Стамбул), чтобы своими глазами увидеть и изучить восточные страны. Заодно он надеялся обрести на Востоке новое мироощущение, тем более, что современная Европа с ее взглядами казалась ему скучной и однообразной (O.F. v. Richter. Wallfahrten..., S. VI, VII).

В столице Османской империи Рихтер начал под руководством некоего муллы совершенствовать свой персидский и арабский, а также учить турецкий язык. В гостеприимном доме шведского посла Нильса Палина молодой балтиец подружился с проповедником посольства Свенем Фредриком Лидманом, с которым они решили предпринять длинный научный поход в Египет...

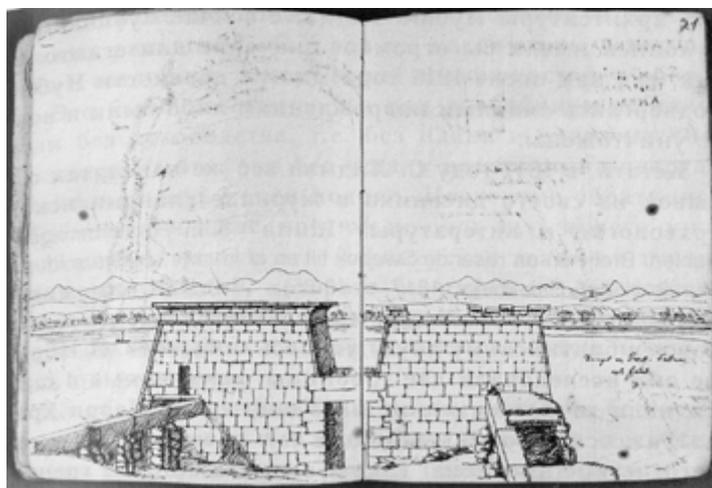
30 марта 1815 года Рихтер и Лидман в сопровождении повидавшего многие страны слуги-армянина Грегора пустились в путешествие на греческом судне и 12 апреля, после посещения островов Лесбос и Родос, прибыли в Александрию. У путешественников было с собой множество рекомендательных писем для предъявления новому правителю Египта Мухаммеду Али (годы правления 1805–1849). Паша дал им официальное разрешение на посещение внутренних регионов страны; поэтому местные власти не чинили им никаких препятствий. Заметим в скобках, что в течение всего похода путешественники носили европейское платье. Асуанский правитель Хуссейн соизволил даже лично сопроводить Рихтера и Лидмана через пустыню в районе первого порога Нила (G. Ewers. Richter's Reise durch Aegypten und Nubien // Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Literatur und Kunst. Bd. 2. 1819. S. 451). Их путь проходил по древним местам Карнака, Луксора, Ком-Омбо и Асуана, которые, благодаря публикациям о знаменитой экспедиции Наполеона и рисункам В. Денона, стали в Европе широко известными. (Description de l'Égypte ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'Expédition de l'Armée Française, publié par les ordres de Sa Majesté l'empereur Napoléon le Grand. Paris, 1809–1828. С военно-политической точки зрения, экспедиция французов не выполнила поставленные задачи, но стала переломной для египтологии как науки. Кроме собрания коллекции и составления описаний, был найден знаменитый Розеттский камень с начертанным на нем трехязычным текстом, расшифровка которого положила начало египтологии.)

*Шейх Хассан, Нижняя Нубия. Остатки древнеегипетского храма.
Рисунок Рихтера.*

В начале июня путешественники были готовы начать поход к верховью Нила, в Нубию, считавшуюся в те времена крайне дикой страной, где редко кто из европейцев осмелился бы очутиться. (Одним таким смельчаком оказался Иоганн Людвиг Буркхардт, который посетил Нубию в 1813 г. и написал обширные записки "Reisen in Nubien, von de Londoner Gesellschaft zur Beförderung der Entdeckung des Innerer von Afrika Herausgegeben". Weimar, 1820; перевод увидевшего свет в 1819 г. оригинала на английском языке.) Нубия была, большому счету, еще terra incognita, и находящиеся там египетские памятники были совсем не изучены. Таким образом, О.Ф. фон Рихтер и С. Лидман оказались в числе первых исследователей нубийских исторических памятников. Их главной целью было найти далеко на юге место, где могло находиться исчезнувшее царство Мероэ (В. Peterson. Über Altertümer in Nubien. Sven Fredrik Lidmans Reise im Jahre 1815 // Orientalia Suecana. Bd. XXIII. Stockholm, 1974. S. 45). По причинам, от них не зависящих, их мечта, увы, не сбылась.

Ибрагим, сын правителя Верхнего Египта Мухаммеда Али, предоставил в распоряжение путников нубийских гребцов (G. Ewers. Richter's Reise., S. 451). Плавание по Нилу оказалось весьма приятным, и они продвинулись довольно далеко на юг, до находящегося северу от Абу Симбела Каср Ибрима (В. Peterson. Op. cit. S. 45–46). Это и стало самой дальней точкой их путешествия. Идти вперед было слишком опасно, потому что, отмечает Г. Эверс, опираясь на

*Развалины храма в Гарб Сабуа, Нижняя Нубия.
Рисунок Рихтера.*

письмо Рихтера, там шла в то время война между тремя братьями, правившими от имени паши и прославившимися своими кровавыми деяниями. 20 июня путники вернулись в Асуан. Экскурсия в Нубию продолжалась почти три недели.

Свои наблюдения Лидман записал в двух дневниках, которые до сих пор хранятся у его потомков. Ценность подробных описаний нубийских храмов (Уффедин², Гарб Сабуа³, Эль-Дакка, Гарб Гиршен⁴ и др.) заметно увеличивают сделанные Рихтером рисунки и чертежи. (В его путевом дневнике сохранилось примерно полсотни рисунков: пирамиды, храмы, гробницы, быт местных жителей. См. РАКА, фонд 1388, список 2, стр. 209. Среди прочего Рихтер скопировал высеченное иероглифическими письменами имя македонского правителя Египта Филиппа Арридея (323–316 до н.э.). Пользуясь случаем, выражаю здесь благодарность кандидату исторических наук С. Кивимяэ за открытие этого дневника.) Рихтер собирался провести художественно-историческое сравнение нубийских храмов с архитектурными чудесами Персии и Индии, в то время как Лидман задался целью составить историческое описание Нубии. Основой этого труда должен был стать его дневник с рисунками Рихтера. К сожалению, рукопись не вышла в свет по сей день. Выйди эта книга в свет в свое время, она стала бы путеводным трудом в изучении памятников архитектуры Нубии. Но даже сейчас публикация рукописи имела бы огромное значение для египтологии, так как после 1815 года многие древности Нубии подверглись сильному повреждению либо

² Уффедин — топоним XIX в. Древний Иерасикаминос, совр. Махаррака.

³ Совр. Вади эс-Себуа.

⁴ Совр. Герф Хуссейн.

были и вовсе уничтожены.

Кстати, в 1817 году С. Лидман все же напечатал отрывок из своего дневника в журнале скандинавской археологии и литературы "Iduna" (*Om Fornlemmingar i Nubien. Bref från en resande Svensk till en af Idunas utgifware Iduna, Sjunde Häftet. Stockholm, 1817. S. 46–85*). Лидман описывает там многие египетские храмы, в которых ему и его молодому балтийскому другу удалось побывать. В Ибриме они исследовали две гробницы, высеченные в скале, дали точное описание находящегося в Дерре храма Рамсеса II. В гробницах они скопировали древнегреческие письма. Также сделали копии с греческих надписей в храмах Эль-Себуа и Махарраки. Многие греческие письма храма Эль-Дакка впервые опубликованы именно в журнале "Iduna". Лидман и Рихтер надеялись позднее представить в Риме широкой публике результаты своей египетско-нубийской экспедиции; к сожалению, это не сбылось, равно как и желание Рихтера продолжить в Париже учебу по востоковедению.

К концу июля Лидман и Рихтер, уже вернувшиеся в Каир, собирались отправиться в путь по дельте Нила. Вспыхнувший 4 августа 1815 года антиправительственный мятеж перечеркнул их планы.

В датированном 14 августа письме из города Дамьетта Рихтер описывает драматические события следующим образом (*G. Ewers. Richter's Reise...*, S. 452–453):

"Арнаулы (так называли турки албанцев — С. С.), из которых состоит пехота паши, выразили недовольство его планом ввести европейские упражнения по стрельбе и дисциплину и атаковали его дом. Паша же предусмотрительно укрылся во дворце, и мятежники ушли ни с чем. Тогда они рассеялись по городу и стали беспрепятственно грабить торговые дома, товарные дворы и лавки, не встречая никакого сопротивления со стороны перепуганных горожан, так что и другие войска паши решили не охотиться за их головами, и принялись также грабить город.

Беспорядки длились почти два дня. По примеру многих других частей города, квартал франков (Рихтер называет европейцев франками — это получило распространение после крестовых походов, а вероятнее еще раньше — С. С.), где мы находились, запер ворота и готовился, в меру своих возможностей, к обороне. Это было несложно, так как разбойники действовали без руководства, т.е. без плана и единомыслия. Несмотря на это, они без устали нападали на квартал франков восемь ночей подряд. Последние обратились за помощью к паше, но и он не смог дать ничего, кроме пороха и одного аги (офицерское звание в турецкой армии — С. С.), которого он назначил ответственным за безопасность квартала, хотя солдаты именно этого аги нападали с помощью лестниц и пуль каждую ночь на франков.

Не знаю, что стало бы в конце концов с бедными европейцами, если бы в дело не вмешался шведский консул Бокти, который раздал более шестидесяти ружей и лично назначил все караулы и дежурства. Эта бдительность и оградила европейцев от грабителей, которые, не будучи уверены в своей выгоде, не пожелали идти под верные пули.

В то же время паша вел переговоры с арнаутами, предлагая им амнистию, в случае возврата награбленного, и обещал городу возместить все потери. Одновременно верная ему кавалерия взяла в осаду Каир, чтобы никто не смог унести из города награбленную добычу. Так как мятежники успели израсходовать почти весь свой запас пороха, то им пришлось отступить. Хотя число мятежников заставляло все еще проявлять большую осторожность, квартал стали все же в определенные часы открывать".

Поскольку опасность возобновления волнений сохранялась, Лидман и Рихтер были вынуждены отказаться от изучения Нижнего Египта. Скрепя сердце они 20 августа покинули на арабском корабле страну пирамид. Египетская экспедиция на этом и закончилась. Лидман и Рихтер увезли с собой множество древностей разных культур и всевозможные рукописи (см. также G.V. Belzoni. *Narrative of the operations and recent discoveries etc. in Egypt and Nubia. London, 1821*). Дж.В. Бельзони (1778-1823) был одним из наиболее колоритных исследователей Египта, посетившим страну пирамид в том же году, что и Рихтер. Это был человек, который не выбирал средства, когда надо было добывать Британскому музею древности. Спустя несколько лет он опубликовал результаты своих поездок в печати. Хотя размах Рихтера был посромнее, его одновременное прибытие в Египет показывает, что ученый из Эстони, которая в ту пору входила в состав Российской империи, имел свою роль в этом важном

общеевропейском научно-культурологическом движении).

Спустя три дня Лидман и Рихтер были уже в Яффе. В Акре их пути разошлись. Лидмана вызвали назад в Константинополь, Рихтер же отправился после короткого знакомства с Тиром и Сидоном в принадлежавший мотуалискому эмиру Чахчаху Баальбек (финикийский Гелиополь). Паша Акры дал Рихтеру с собой рекомендательное письмо, которое тому, к счастью, ни разу не понадобилось. Пройдя полный приключений путь через Иерусалим, Дамаск, Тадмор (Пальмиру) и Халеб (Алеппо), Рихтер прибыл наконец в Латакию. 24 февраля 1816 года он вступил на палубу арабского судна, на котором доплыл через Кипр в Аланию на побережье Малой Азии (G. Ewers. Otto von Richter's Tod // Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Literatur und Kunst. Bd. 3. 1820. S. 233). Оттуда он вместе со своим товарищем-татарином ехал дальше верхом вплоть до Константинополя, где задержался на шесть недель. За это время Рихтер успел переправить часть собранных арабских, турецких и античных древностей, рукописей, книг и монет в Швецию (откуда их позднее привезут в Тарту).

Далее путешествие Рихтера продолжалось опять по морям. Турецкий корабль доставил его через Дарданеллы на побережье Азии. После посещения островов Лесбос и Лемнос Рихтер возвратился в Европу. В Македонии он взшел на вершину горы Атос (Монте Санто). Этим страсть Рихтера к путешествиям не ограничилась. Вскоре его можно было опять видеть на побережье Малой Азии, на этот раз он разыскивал древнюю Трою (Op. cit. S. 234).

Увы, время, отпущенное ему на реализацию его многочисленных научных планов, было уже на исходе. Рихтер тяжело заболевает и умирает 13 августа 1816 года в Смирне (Измире). Он похоронен на тамошнем европейском кладбище. Подробнее обстоятельства смерти О.Ф. фон Рихтера изложены в сообщении российского генерального консула Рубо де Понтеве полномочному послу императора в Турции тайному советнику Италинскому: "13 числа в 6 часов пополудни он ушел наконец из мира сего, сохраняя до последнего мгновения сознание, но будучи последние два дня крайне в обессиленном состоянии. Уже до прибытия сюда он был десять дней тяжело болен, его сразила дизентерия, вызванная воспалением кишечника, а воспаление породили, в свою очередь, вредное для здоровья время года и усталость от долгого пребывания в пути" (Op. cit. S. 232).

Смерть Рихтера не осталась незамеченной и за границей. "Intelligenzblatt der Jenaischen Allgemeinen Literaturzeitung" писала в некрологе, опубликованном в 8-ом номере журнала за 1817 год: "13 августа прошлого года в Смирне скончался ученый путешественник из Лифляндии Отто Ф. ф. Рихтер. Он обошел Египет, часть Нубии, Палестину, Сирию и Анатолию и собирался в Персию, где ему согласно приказу императора Александра была уготовлена почетная должность при российском посольстве. Там 25-летнего молодого человека настигла смерть. Его бумаги, собранные рукописи и древности доставлены в надежное место".

Личные вещи Рихтера и основная часть древностей были отправлены через Швецию на родину и переданы его отцу. Отец в свою очередь решил подарить наследие художественному музею и библиотеке Тартуского университета. Сохранилось письмо Отто Магнуса фон Рихтера куратору Тартуского образовательного округа Карлу фон Ливену. Копия письма на русском языке вместе с русскоязычным перечнем коллекции и сопроводительным письмом куратора была передана министру духовных дел и народного образования князю Александру Голицыну. Земский советник выражает, в частности, надежду, что жизнь его сына, хоть и оказалась столь недолгой, будет побуждать будущие поколения на подобные научные предприятия (ЦГИА, СССР, ф. 733, сп. 56, е. х. 242, стр. 4).

Передача дара зафиксирована протоколами совета Университета от 4 августа и 8 октября 1819 года. В интересах дела приведем здесь выдержки из них в русском переводе.

Выдержка из протокола совета.
(Eesti RAKA, ф. 402, сп. 5, е. х. 21, стр. 69)

Дерпт, 4 августа 1819

№ 269. Доложено: Письмо господина куратора от июня номер 299 сообщает: земский советник Лифляндии г. фон Рихтер подарил университету оставленные его покойным сыном ценные рукописи, древности и пр. Согласно распоряжению господина куратора следует это редкостное собрание на основании приложенного списка принять и хранить содержащиеся в нем древности в музее, как того пожелал г. фон Рихтер, а рукописи и печатные издания в библиотеке неделимым целым.

Решено: поручить принятие дара на основании списка действительному ректору и профессору д-ру Моргенштерну и ждать соответствующего сообщения.

In fidem E. Wegener, c.

Выдержка из протокола совета.
(Eesti RAKA, ф. 402, сп. 5, е. х. 21, стр. 70)

Дерпт, 8 октября 1819

№ 372. Доложено: Запрошенный у Его Высокоблагородия господина ректора и профессора Моргенштерна доклад о приеме согласно приложенным спискам собрания восточных древностей из подаренного университету наследия Отто фон Рихтера вместе с сообщением, что содержащиеся в собрании книги и рукописи переданы библиотеке университета, а древности и монеты художественному музею; добавлены подтверждающие передачу справки от господина секретаря библиотеки и господина директора музея.

Решено: поблагодарить господина ф. Рихтера за подарок.

In fidem E. Wegener, c.

В награду за бесценный дар царь Александр I пожаловал земскому советнику Рихтеру табакерку со своей монограммой. По тогдашним стандартам это было весьма впечатляющее выражение признания (ENSV RAKA, ф. 402, сп. 5, е. X. 21, стр. 71).

Как видно уже из протокола, коллекцию принял первый директор музея Карл Моргенштерн (1770–1852), составивший список древностей (подробнее о становлении музея рассказано в статье Н. Райд "История музея Тартуского университета в 1803–1917 гг." // Kunst, № 3, 1968. С. 31–39). В конце прошлого века знаменитый российский египтолог Б.А. Тураев опубликовал описание египетской части коллекции вместе с переводами текстов (Б.А. Тураев. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. IV собрание в г. Юрьеве // Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. Т. 11. Санкт-Петербург, 1899. Согласно подсчетам Тураева, в коллекции было 124 предмета древности. Всю основную часть составило наследие О. ф. Рихтера. Некоторые предметы подарил музею в 1895 г. хедив (правитель) Египта. По своему объему и значимости для науки, египетская коллекция музея была сопоставима с крупнейшими собраниями России).

Чтобы читатель получил более конкретное представление о наследии Рихтера, поместим здесь список всей египетской части коллекции.

1) Деревянный саркофаг (мумия), покрытый снаружи и изнутри иероглифическими рисунками, вместе с декорированной, очень мало поврежденной крышкой и относящимися к ней фрагментами;

2) две детские мумии;

3) мумия собаки;

4) мумия ибиса;

5) еще две (поврежденные) мумии ибисов;

6) шесть маленьких египетских глиняных фигур;

7) 25 скарабеев;

8) 20 маленьких, частично поврежденных египетских глиняных фигур;

9) 50 мелких египетских амулетов и прочих фигур;

10) девять очень маленьких бронзовых фигур и фрагментов;

- 11) одна покрытая иероглифами деревянная фигура с украшениями для головы и подставкой;
- 12) одна египетская фигура (из базальта или гранита);
- 13) маленькая голова ибиса (из базальта или черно-зеленого известняка);
- 14) мужская фигура с большой бараньей головой из известняка вместе с куском подставки;
- 15) две покрытые иероглифами известняковые плиты (со следами краски);
- 16) верхушка маленького египетского обелиска (точнее, верхушка маленькой пирамиды из ярко-желтого известняка);
- 17) большая плита из известняка с барельефом, египетской работы;
- 18) два сандалия из пальмовых веток;
- 19) четыре египетских бардака (слово арабского происхождения, означает сосуд для охлаждения воды — *C. C.*) (К. Morgenstern. *Otto's von Richter orientalischer Nachlaß, durch dessen Vater der Universität Dorpat geschenckt // Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Literatur und Kunst. Bd. 3. 1820. S. 466.*)

Первое более подробное описание египетских древностей К. Моргенштерн дает в книге О.Ф. фон Рихтера "Wallfahrten im..." (S. 614–622). Несмотря на то, что К. Моргенштерн был не востоковедом, а лишь прекрасным знатоком античности, он использует в своих комментариях почти все тогдашние самые последние публикации о Египте (в числе использованных К. Моргенштерном исследований J.v. Hammer-Purgstall. *Die Lehre von der Unterwelt der Aegypter. Wien, 1802; Böttiger. Ideen zur Archäologie der Malerey. Bd. I. Dresden, 1811; J.G. Zoega. De origine et usu obeliscorum. Roma, 1797.*) Конечно, теперь эти исследования кажутся безнадежно устаревшими, но не стоит забывать, что в то время египтология еще только зарождалась как самостоятельная наука.

Собранные учеными древности находились в музее университета до 1917 года, когда приближение фронта Первой мировой войны вынудило эвакуацию наиболее ценных музейных экспонатов, в том числе наследие Рихтера, вместе с университетом в Воронеж. Большая часть коллекции находится там и поныне. В начале 1970-х в Воронежском художественном музее работал ленинградский египтолог Е. Богословский, опубликовавший касательно египетской коллекции материалы о древностях из Дейр эль-Медины (E.S. Bogoslovski. *A new sign in egyptian pharaonic writing // Göttinger Miscellen. Beiträge zur ägyptischen Diskussion. Heft. 8. Göttingen, 1973. S. 15–17.*) В то же время исследователь сетует на плачевное состояние египетской части (и, по-видимому, не только ее) коллекции Рихтера. Вследствие неумелой и некомпетентной реставрации саркофаг и его крышка необратимо повреждены (ВДИ, № 2, 1973. С. 73–74).

Правильнее было бы вернуть коллекцию Рихтера в музей классической истории Тартуского университета, куда она поступила изначально. Кроме прочих соображений, к этому обязывает хотя бы память об ученом, пожертвовавшем ради знаний своей жизнью. Богатое собрание предметов античности, находящееся теперь в Воронеже, также содержит предметы, привезенные Рихтером.⁵

В Рихтере гармонично переплелись свойственное человеку любопытство, исследовательский талант, страсть к странствиям и геройство. Он родился и получил образование в эпоху, которую характеризует соединение просветительских идей и романтизма. Правда, его исследовательские методы были зачастую эклектичны, а выводы наивны. В то же время в них прослеживалась тенденция, которая к сегодняшнему дню практически исчезла, — стремление к универсальности и совершенству. В лице Рихтера были в большей или меньшей мере соединены востоковед, художник, этнограф, картограф, филолог классических языков, историк античности, исследователь истории искусства и нумизмат. Позднее, с появлением новых научных дисциплин и специализации, такие разносторонние ученые станут большой редкостью. Об этом можно только сожалеть.

Перевела с эстонского
Вероника ЭЙНБЕРГ

⁵ Об этом шла речь на Международной конференции "Эстонско-российское сотрудничество в музейном деле: история и судьба художественной коллекции, основанной профессором Моргенштерном в 1803 году" — в сентябре 2000, в Тарту. — *Прим. ред.*